

ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Т. Энеева

Митрополит Московский Филарет (Дроздов) – великий святитель XIX столетия¹

«Любовь есть благое расположение души,
по которому она ничего из существующего
не предпочитает познанию Бога»

св. Максим Исповедник

Святитель Филарет (Дроздов) (1782 – 1867) относится к тем редким людям, чья жизнь становится эпохой в истории народа и страны, которым он принадлежит; или, говоря иначе: эпоха, на которую пришлось время их земной жизни, навсегда остается отмеченной их именем. Как правило, это связано с тем, что при содействии их творческой и жизненной энергии в культуре формируется некий эталон, некая духовно-культурная константа бытия нации, с которой надолго впоследствии ассоциируется, отождествляется ее само-восприятие, ее самоидентификация.

Служение святителя Филарета пришлось на время царствования трех императоров: Александра I, Николая I и Александра II; за время его святительства в стране сменилось несколько общественных укладов, менялось состояние умов, прошло несколько исторических и «психологических» катастроф – от нашествия Наполеона и Крымской войны до восстания декабристов и движения разночинцев. И, тем не менее, пока святитель Филарет выполнял свое служение, господствовала стабильность, и более того, присутствовало ощущение расцвета. Действительно именно «эпоха Филарета» является нам ту Россию, Российскую империю, из образа которой мы исходим, говоря о ее предыстории и развитии.

Митрополит Филарет (Дроздов) происхождения был самого простого – он родился в многодетной семье дьякона (впоследствии ставшего священником) в городе Коломне 26 декабря 1782 г. и наречен был Василием. Воспитанием его занимались преимущественно его дедушка и бабушка, которых он очень любил. Дедушка был священником, и воспитание маленького Василия проходило всецело в лоне Церкви, внутри ее богослужебного круга, к чему он относился с недетским вниманием и серьезностью. Любимой детской его игрой было подражание священнодействию. Сохранились в памяти близких, а затем и биографов святителя Филарета слова, сказанные им в детстве в конце богослужения при виде дыма, поднимающегося от потушенных свечей: «Молитва к Богу пошла»².

Он отдан был на учебу в Коломенскую Духовную Семинарию, затем, в 1800 г., переведен в Семинарию Московскую, располагавшуюся в Троице-Сергиевой лавре, которую тогда возглавлял выдающийся иерарх Русской Церкви митрополит Московский Платон (Левшин), вполне оценивший способности семинариста Василия Дроздова и взявший его под свое покровительство.

В учебе Василий Дроздов проявил не просто старательность, но то, что мы сейчас назвали бы

¹ Данная статья представляет собой публикацию доклада, сделанного на международной научной конференции «Модели и практики святости в церковных традициях Востока и Запада». Москва. 19–20 июня 2019 г.

² Священник Максим Козлов «Святитель» // Филарета митрополита Московского и Коломенского творения. М. 1994. С. 4.

«гениальностью», а тогда в характеристике было написано: «Отлично остр, прилежен и успешен»³. Спустя три года учебы в Московской семинарии он был назначен в ней же уже преподавателем, а в 1808 г., по благословению ректора митрополита Платона, пострижен в монашество с именем Филарет и возведен в дьяконский, и затем священнический сан. Митрополит Платон видел молодого преподавателя своим будущим преемником по сану и должности, однако в следующем году иеромонах Филарет уже вызван в столицу Российской империи – Санкт-Петербург на должность инспектора Семинарии. В 1811 г. он возводится в сан архимандрита, а в 1812 г. становится ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии. В 1817 г. – хиротонисан в епископы, в 1821 г. в сане архиепископа поставляется на Московскую кафедру, возглавлявшуюся им до конца жизни (1867), с 1826 - в сане митрополита. 60 лет проповеднической деятельности, 50 лет в архиерейском

сане. Таковы видимые вехи блестящей духовной карьеры святителя Филарета, которая, однако, при масштабе его личности и одаренности, отнюдь не исчерпывает и не выражает всей меры его влияния на развитие церковной и общественной жизни его эпохи и его значения для духовной истории России на все времена.

«Митрополит Филарет был одним из тех избранников Божиих, – писал о нем Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский), – которых Промысл посыпает людям в редкие промежутки времени для того, чтобы показать миру, до какой высоты может подняться человек, испупленный кровью Христа Спасителя и озаренный божественною благодатью»⁴. «В данном же случае мы имеем дело не с историческим лицом только, не с великим церковным и государственным деятелем; мы имеем дело прежде всего с благодатью, сияющей необыкновенным, изумительным блеском во всей личности Московского первоиерарха. Мы имеем

³ Там же. С.5.

⁴ Святейший Патриарх Алексий (Симанский) Митрополит Филарет о Церкви и государстве. Троице-Сергиева Лавра 2005. С. 33.

Митрополит Платон (Левшин)

дело с чрезвычайной благодарованной силой, с которой не может сравниться никакая естественная, человеческая сила. Мы имеем дело со святостью, пред которой меркнет обыкновенная благочестивая, собранная в себе жизнь православного первоиерарха. /.../ Пред этой личностью можно только преклоняться; [...] от нее можно только поучаться и /.../ ее светом необходимо освещать все времена прошедшие, настоящие и грядущие, так как благодать остается всегда благодатью, истина – всегда истиной»⁵. «Высокопарный орел в богословских созерцаниях, паривший высоко над умами умнейших своих современников», «ангел церкви...Всероссийской», «духовный вождь Русской земли»⁶. «Он освещал путь в свое время. Он же силен освещать путь и дальнейших времен»⁷.

По словам Ивана Сергеевича Аксакова, святитель Филарет был «...сила великая, нравственная, общественная сила, в которой весь русский мир слышал и ощущал свою собственную силу, – сила, созданная не извне, порожденная помощью личного духа, возросшая на церковной народной почве,

[...] громада славы, котрою красовалась русская церковь и утешался народ, [...] величавая долгая современность, что обняла собою пространство полвека, что пребыла долгий ряд событий и поколений, [...] светильник, полстолетия светивший на всю Россию не оскудевая, не померкая, но как бы питаясь приумножением лет и выступая ярче, по мере надвижения вечернего сумрака жизни, [...] неусыпающее око мысли, [...] полустолетнее назидание всем русским людям – в дивном примере неустанно бодрствующего и до конца бодрствовавшего духа, [...] художественное важное слово, полвека и более полвека раздававшееся в России, то глубоко проникавшее в тайны Богопознания, то строгой и мощной красотой одевавшее разум Божественных истин»⁸. «В течение целого полустолетия Русской Церкви ее представитель, предстатель и предстоятель (не вследствие внешних условий своего места и звания, а действием личного внутреннего достоинства), в течение же полувека был он и «свидетельствуя» о ней пред всей Европой, пред всем миром инославным»⁹.

Святитель Филарет был, по меткому выражению историка русского зарубежья Ивана Михайловича Концевича, – «свят и гениален» одновременно: «...Богом был послан духовный вождь, соединивший в себе и гений, и святость. Такого другого Филарета не было и не будет, возгласила о нем народная молва!»¹⁰. Святость и гениальность – редкое сочетание слов и качеств. В европейской культуре Нового времени в погоне за гениальностью часто приносились в жертву не то что святость, но элементарные нравственные понятия. В то же время святитель Филарет был настолько свят, что не «вымучивал» свою святость, но был таким без видимого внутреннего усилия, (при этом, конечно, не считая себя таковым). Евангельский идеал был для него не ограничением свободы человека, но ее идеальным воплощением, реализацией, поэтому он был исключительно внутренне свободен во всех своих проявлениях и в своей деятельности. Святым его почитали уже при жизни, это было общим мнением. Даже такой оппозиционер и вольнодумец, как П. Я. Чаадаев, называл его в письмах «наш святой владыка»¹¹.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ Отклик И.С. Аксакова на кончину святителя Филарета // Святитель Филарет (Дроздов). Избранные труды. Письма. Воспоминания. М., 2003. С. 900–901.

⁹ Там же.

¹⁰ Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Н. У. 1970. С. 126.

¹¹ Яковлев А.И. «Святитель Филарет в церковной и общественной жизни России XIX века» // Святитель Филарет (Дроздов) Избранные труды. Письма. Воспоминания. М. 2003. С. 44. Интересно, что в конце жизни Чаадаев состоял в общении с владыкой Филаретом, который принимал его на Троице-Ком подворье в Москве.

Масштаб разносторонней деятельности митрополита Филарета был колоссален. В слове, написанном на его кончину одним из профессоров Московской Духовной Академии¹², говорилось: «Нет ума столь глубокого, чтобы исчерпать шестидесятилетнюю изумительно благотворную и разнообразную деятельность представившегося святителя. Нет знания столь обширного, которое могло бы обнять все содержание этой деятельности»¹³. Он был церковным и государственным деятелем, просветителем, благотворителем, богословом, поэтом, монахом-подвижником и даже затворником – в одном лице. Всего, сделанного им, хватило бы на несколько жизней нескольких выдающихся людей. Коснемся в нескольких словах основных сфер его деятельности.

Деятельность митрополита Филарета – святыни, государственная, просветительская – получала порой самые противоположные оценки – от крайне консервативной до опасно реформаторской. В действительности, будучи в глубочайшем смысле слова «человеком Церкви», как бы живым воплощением незыблемости ее заповедей и канонов, он, в то же время, жил вместе со своим веком, погружался в его реальность, нес на себе его тяготы, не бежал от его болезней, но стремился уврачевать, находя в тенденциях времени то, что может послужить «во славу Божию» и для спасения людей.

Можно привести пример поведения митрополита Филарета в конкретной жизненной ситуации, который служит иллюстрацией, и символом его понимания своего долга и своего служения: в 1830 году, когда в Москве разразилась ужасная эпидемия холеры, с которой не умели тогда бороться и которая унесла множество жизней, в том числе и из высшего сословия, он, отозванный царем в Петербург ради сохранения его жизни, не покинул Москву. В письме к наместнику Троице-Сергиевой Лавры он писал: «Я отложил путь в Петербург, чтобы умирать со своими»; и о том же своей матери: «В Петербург ехать я отложил, почтая долгом в сомнительное время быть у своего места»¹⁴. Замечательна, кстати, была и реакция царя на молчание святителя в ответ на приглашение покинуть зараженную Москву: император Николай I сам вдруг приехал в холерную Москву и перед чудот-

ворной Иверской иконой на коленях молился со всем народом об избавлении города от эпидемии – поступок, глубоко потрясший его современников и нашедший отзвук даже в поэзии того времени.

Влияние владыки Филарета в церковных делах было огромно, несмотря на то, что он не был первенствующим членом Синода¹⁵; более того, в 1843 г. после ряда несогласий с принятыми Синодом решениями он покинул Петербург, безвыездно водворился в Москве и в работе Синода больше не участвовал. Но парадоксальным образом это мнимое поражение его оказалось безусловной победой – с тех пор, как писал его биограф: «Ни один вопрос догматический, канонический, церковно-законодательный, ни одно административное решение Святейшего Синода, имевшее значение для Церкви, не решалось и не производилось без предварительной справки о том, как думает об этом вопросе или решении Филарет, и редко что-нибудь делалось в Синоде иначе, нежели думал Филарет»¹⁶. Таким образом, фактически, митрополит Филарет не *de jure*, но *de facto* в своем лице восстановил в Москве тот независимый в своих мнениях от подконтрольного светской власти Синода церковный центр, каким было до Синодальной реформы Петра I Московское Патриаршество. По словам одного из исследователей, в своей «обособленности» митрополит Филарет возвысился «до значения близкого к положению главы Церкви, с которым надо было договариваться обо всем значительном в области церковного»¹⁷. «Первым пастырем Русской Церкви [...] он был назван однажды в высохшем рескрипте»¹⁸.

Негласное влияние митрополита Филарета распространялось и на сферу казалось бы не подлежащую непосредственно юрисдикции Московского митрополита – на принятие решений государственной властью. Он стремился «внести и в государственные вопросы свет откровения, свет веры. [...] Святую веру признавал он основанием царства и сообразно с ним давал и мнения о государственных вопросах»¹⁹.

Все жизнеописания святителя вошел эпизод с его отказом принять участие в торжественном открытии и освящении Триумфальной арки в Москве из-за того, что в ее декоре присутствовали

¹² А.О. Лавров-Платонов, впоследствии архиепископ Литовский Алексий.

¹³ Святейший Патриарх Алексий (Симанский). Указ. соч. С.45.

¹⁴ Яковлев А.И. Указ. соч. С.30.

¹⁵ Первенствующим считался митрополит Санкт-Петербургский.

¹⁶ Из жизнеописания, составленного Н.И. Барсовым. Цит. по: Концевич И.М. Указ. соч. С. 127.

¹⁷ Архимандрит Константин (Зайцев) Цит. по: Концевич И.М. Указ. соч. С.128.

¹⁸ Святейший Патриарх Алексий (Симанский). Указ. соч. С. 108.

¹⁹ Памяти Филарета митрополита Московского // Душеполезное чтение. 1868. Ч. 1. С. 32.

Император Николай I

изображения языческих божеств²⁰. Замечательна сама форма, в которой отказ был произведен – минимальными средствами, без каких-либо признаков бунта и деклараций: приехавший от императора адъютант доложил митрополиту о желании Его Величества, чтобы святитель возглавил торжества со стороны Церкви. Святитель молчал. Адъютант доложил повторно, святитель сказал: «Слышу». Адъютант спросил: «Что прикажете доложить Его Величеству?». Митрополит ответил: «А что слышите». Посланный вернулся к императору и сказал, что он не понял ответа святителя, дословно передав состоявшийся диалог, на что император Николай I ответил: «А, ну так я понимаю» – и уехал, также не приняв участия в церемонии. Император понял, что владыка митрополит озвучил для него голос своей совести. Совесть, по христианскому учению, есть голос Божий в человеке; голосом совести в государстве является голос Церкви; император услышал этот голос и покорился ему.

Митрополит Филарет призывал «на страже правды и честности» поставлять «высокий и сильный страх Божий», а не «малодушный и ничтожный страх мнения человеческого»²¹. Он был непри-

мирим по отношению к нарушению евангельских заповедей в окружавшем его светском обществе: известен случай, когда он готов был подать в отставку из-за того, что царь встал на защиту некого вельможи, собиравшегося вступить в незаконный с церковной точки зрения брак, который владыка не благословил.

Приведенные эпизоды, однако, отнюдь не свидетельствуют о каком-либо вольнодумии или волонтизме святителя Филарета в его отношении к государственной власти. Напротив, на протяжении пятидесяти лет своего архиерейского служения он был первым и надежнейшим оплотом самодержавной монархии в России. Его формулировки значения монархии стали классическими: «Бог, – писал он в своих проповедях, – по образу Своего небесного единочащения устроил на земле царя; по образу Своего вседержительства – царя самодержавного; по образу Своего царства непрекращающегося, продолжающегося от века и до века – царя наследственного. [...] О, если бы все народы довольно разумели небесное достоинство царя и утрение царства земного по образу небесному и [...] удаляли от себя все, чему нет образа на небесах, [...] Все царства земные были бы достойным преддверием Царства Небесного»²².

О современных ему революционных потрясениях в Западной Европе и сочувствующих им в своем отечестве он писал так: «Сии строители нового Вавилона трудятся для того, чтобы все привести в смущение, чтобы, опровергнув принятые общественные понятия, утвержденные на самой истине вещей или упроченные обычаем и древностью, кончить тем, чтобы не понимать друг друга. Они хотят царей, не освященных Царем царствующих; правителей, порабощенных своим подданным; напротив того, приписывают царскую и самодержавную власть народу, то есть рукам и ногам предоставляют должность головы ... народ у них царствует мятежами, крамолами, разбоями, сожигательствами...»²³. «[...] дерзновенное безумие взяло верх и попирает малодушную мудрость, не укрепившую себя премудростью Божией. Из мысли о народе выработали идол; и не хотят понять даже той очевидности, что для столь огромного

²⁰ Своим предшественником святитель Филарет имел здесь одного из наиболее любимых в народе русских святых – святителя Митрофана Воронежского, современника и сподвижника императора Петра Великого. Когда Петр I повелел Воронежскому митрополиту под страхом смертной казни явиться на «ассамблею» во дворец, украшенный изображениями персонажей языческой мифологии, святитель велел звонить в погребальные колокола, давая понять царю, что предпочитает смерть участию в вероотступнических и безнравственных собрицах. Царь смирился и не только не казнил архиерея, но, убрал статуи, а когда святитель Митрофан скончался, личнонес его гроб со словами: «Не осталось у меня такого святого старца». См.: Житие святаго отца нашего Митрофана епископа Воронежского М., 1907. С. 47.

²¹ Государственное учение митрополита Филарета. / Сост. В[ладимир] Н[азарьевский] М., 1885. С. 36–37.

²² Филарет (Дроздов), свят. Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. М., 1873. Т. 3. С. 126.

²³ Филарет (Дроздов), свят. Сочинения. Т. I. 461–462.

идола не станет никаких жертв. Мечтают пожать мир, когда сеют мятеж; не возлюбив свободно по-виноваться законной и благородной власти царя, принуждены раболепствовать перед дикой силой своевольных скопищ»²⁴. «Они тяготятся отеческою и разумною властью царя и выводят слепую и жестокую власть народной толпы и бесконечные распри искателей распри; они прельщают людей, уверяя, что ведут их к свободе, а в самом деле ведут их от законной свободы к своеволию, чтобы затем низвергнуть их в угнетение»²⁵.

«Когда темнеет на дворе, усиливают свет в доме. Береги, Россия, и возжигай сильнее твой домашний свет, потому что за пределами твоими, по слову пророческому, *тьма покрывает землю и мрак на языки* (Ис. 60, 2)»²⁶.

Как правящий архиерей святитель Филарет отличался крайней скрупулезностью и аккуратностью, вникал в суть всех подаваемых ему бесконечных дел, резолюции по которым были позднее изданы во многих томах как исторический источник и как образец. Он обладал «неусыпающим чувством ответственности, [...] был епископом с утра до вечера и с вечера до утра»²⁷.

Святитель Филарет был поставлен в такое положение в Российском обществе, что, по слову апостола, он «всем был должен все»: он должен был общаться с самыми разными группами людей, находя средства и способы донесения до них «слова истины». В годы преподавания, по отношению к студентам он был то, что сейчас называется «харизматической личностью»: сохранились воспоминания, что по окончании его лекций студенты не хотели расходиться и у них «оставалось великое усердие слушать его еще более без ястия и пития» (то есть забывали об еде, только бы продолжать его слушать). Он «говорил остро, высоко, премудро [...] Как бы все лилось из уст его»²⁸.

Как проповедник он обладал исключительным даром слова, в народе его называли «московским Златоустом». И не случайно: излюбленными его святоотеческими авторами были свт. Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Проповеди его, подвергнутые его самоцензуре и из которых он допустил к печати только половину, изданы были в конце его жизни в пяти томах. Помимо совершен-

ства риторической формы они содержат в себе бесценное сокровище богословской мысли святителя. По словам В.Н. Лосского: «Филарет Московский принадлежит к великой линии епископов-богословов, которых Церковь прославляет, именуя их «Отцами». Действительно, можно сказать, что он был отцом богословской мысли в России»²⁹. По замечанию И.М. Концевича, проповеди митрополита Филарета «напоминают гомилии св. Григория Назианзина своим богословским богатством, также св. Василия / Великого / – безупречным мастерством, которым он сдерживает полет своей мысли, требуя от нее точной меры»³⁰. Другой автор (проф. Сумароков) считает, что «Бог послал Филарета Русской Церкви, чтобы перед теми днями, когда умножаются лжеучения, отлить содержание Православия в [...] незыблемые формы, ясности очертания которых нельзя закрыть никакими чуждыми придатками [...] В своих бесчисленных трудах митрополит Филарет выразил в полноте все истины Православия, дав современной и будущей России основанный на многовековом опыте церковной жизни и в творениях всей совокупности учителей церковных совершенный кодекс того, «како веровати»»³¹.

Богословие святителя Филарета основывалось не на отвлеченных схоластических схемах, но на конкретном исследовании Священного Писания. Некоторые пытались обвинять его в несвободе от влияния протестантизма, введенного в русское семинарское образование с подачи архиепископа Феофана Прокоповича, сподвижника Петра Великого. Но это было неверно. «У Филарета было живое историческое чувство»³², – пишет о нем о Георгий Флоровский. И этот историзм мышления истоком своим имел не протестантское влияние, а современную ему эпоху. Весь XIX век проходит под знаком «историзма». Историзм в культурном плане обусловлен был кризисными процессами и был сродни релятивизму, то есть разочарованию в позитивных ценностях и символах прошлого. Конкретными его проявлениями стал кризис метафизического мышления в философии и конец многовекового господства классического ордерного стиля в архитектуре; структурное мышление сменяется историческим, пишутся капитальные труды «История философии» Вильгель-

²⁴ Филарет (Дроздов), свят. Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. IV. М., 1874. С. 553–554.

²⁵ Государственное учение митрополита Филарета / Сост. В[ладимир] Н[азарьевский] М., 1885. С. 31.

²⁶ Филарет (Дроздов), свят. Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. IV. М., 1874. С. 553.

²⁷ Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 182.

²⁸ Цит. по: Яковлев А.И. Указ. соч. С. 17.

²⁹ Цит. по: Концевич М.И. Указ. соч. С. 129.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 128–129.

³² Флоровский Георгий, прот. Указ. соч. С. 179.

ма Виндельбанда, «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Архитекторы начинают строить в так называемом «историческом стиле», позже названном «эклектикой» (термин, который, кстати, в оценочном плане несет в себе оттенок указания на кризис стиля, а иногда даже и на «дурной вкус»). Так что в своем «историзме» святитель Филарет как раз абсолютно современен своей эпохе, так сказать «конгениален» ей. Но – при этом он разворачивает творческий вектор времени в сторону, прямо противоположную господствовавшей в светской культуре тенденции, – от релятивизма, всеобщей неуверенности и сомнений во всем – к вящей, сугубой достоверности, несомненности исторического свидетельства о Христе. Для святителя Филарета, по словам о. Георгия Флоровского: «вся история есть путь Бога к человеку и путь человека к Богу»³³. В своих трудах он созерцает «священный путь времени и истории». Исторический метод для него – это счастливая возможность с, так сказать, «тактильной» несомненностью свидетельствовать перед своей паствой об истине Священной истории и Евангельского повествования.

Кроме того, святитель Филарет вообще был союзником живого творческого мышления. По словам о. Георгия Флоровского: «Филарет не боялся пробудить мысль, хотя знал о соблазнах мысли, ибо верил, что эти соблазны преодолеваются и побеждаются только в творческом делании, а не в пугливом укрывательстве»³⁴.

Именно с этими предпосылками связана проведенная святителем Филаретом знаменитая реформа Духовных школ. Он поставил богословское образование на историческую почву – исследования Библейского текста. Как известно, духовное образование в России, имевшее своим истоком в XVII в. Киево-Могилянскую Духовную Академию святителя Петра Mogилы, опиралось на западные учебные курсы и пособия, обучение велось на латинском языке. Простой народ получал основные знания о Священной истории из богослужения, ведшегося на церковнославянском языке, и проповеди священника. Святитель Филарет стремился к тому, «чтобы преподавание богословское сделалось ближе к употреблению в жизни»³⁵, чтобы выпускник семинарии, будущий священник, научился нести людям живое слово

во истины. Он стремился научить студентов не зубрить заготовленные учебные схемы, но самостоятельно вдумываться в «тайны Откровения», исследовать Писания и рассуждать. «Богословие рассуждает»³⁶, – любил повторять он.

С той же целью – приблизить современного человека к пониманию Священного Писания – принимал он горячее участие в деле перевода Библии на русский язык, которое продвигалось очень трудно вследствие предубежденности многих маститых иерархов, имевших для своих сомнений серьезные основания. Существовал полный перевод Библии на церковнославянский язык, опасались, что вслед за переводом Библии последует перевод богослужебных текстов, что привело бы к деградации восприятия церковных таинств. Целью же митрополита Филарета было дать возможность всем русским людям читать Священное Писание дома, просто как книгу для чтения – исторического, назидательного, нравоучительного, просветительного и, конечно, освящающего, ибо, как говорил он: «самое желание читать священные книги есть залог нравственного улучшения общества»³⁷. Существовало и еще одно осложнение для русского перевода, а именно: положившее начало русскому переводу Священного Писания Библейское общество, основанное в 1812 г, включало в свой состав людей, увлекавшихся модным в ту эпоху неправославным мистицизмом, что привело к закрытию общества в 1828 г. Однако святитель Филарет, как всегда, сумел спасти здравую идею из недобросовестных рук и, убедив царя и своих собратьев архиереев, с 1858 г. продолжил перевод Библии силами всех четырех Российских православных Духовных Академий (Петербургской, Московской, Киевской и Казанской). Полный Синодальный перевод Библии на русский язык, бывший одним из главных дел жизни митрополита Филарета, вышел в свет в 1876 г., уже после кончины святителя.

Просветитель и популяризатор Священного Писания, митрополит Филарет, в то же время, поднял на необычайную высоту в России статус ученого монашества, каковым являлся сам. «Христианство не есть юродство или невежество, но Премудрость Божия»³⁸, – говорил он. В 1855 г. во время празднования столетнего юбилея Московского Университета, в университетском храме он сказал проповедь, в

³³ Там же. С.180.

³⁴ Там же. С. 172.

³⁵ Там же. С. 174.

³⁶ Яковлев А.И. Указ. соч. С. 45.

³⁷ Цит. по: Козлов Максим, свящ. «Святитель» / / Филарета митрополита Московского и Коломенского творения. М., 1994. С. 9.

³⁸ Цит. по: Яковлев А.И. Указ. Соч. С.43.

которой указывал на единство истины, постигаемой наукой и верой: «Для чего хотят рассекать истину? [...] Неужели думают, что истина Божия и Христова есть нечто постороннее для истины естественной, полезной для человека и общества человеческого [...] Исторгните солнце из мира: что будет с миром? Исторгните сердце из тела: что будет с телом? [...] Исторгните истину Божию и Христову из человечества: с ним будет то же, что с телом без сердца, что с миром без солнца»³⁹.

Вообще святитель Филарет старался поднять общественное положение духовного сословия, претерпевшего в предшествовавшем столетии сильные притеснения, умаление статуса и даже гонения. Сам святитель Филарет в какой-то мере воплотил в своем лице синтез различных направлений духовной и общественной жизни России Синодальной эпохи, примирив в себе, своем образе трагические ее надломы. Эпоха его святительского служения была временем, когда петровский импульс на «европеизацию» страны достиг своей максимальной реализации, однако традиционно русское православное мировоззрение не было утрачено, чему лучшим доказательством служит сам свт. Филарет. Блестяще европейски образованный, знаяший не только европейскую древность, но и всю палитру современных ему европейских учений, за что даже подвергался укорам некоторых собратий, он в то же время был самым ревностным и непреклонным хранителем святоотеческой православной веры.

Интересно в этой связи его отношение к инославию. По словам о. Георгия Флоровского, «Филарет не соглашался объявить латинство ересью, а не только расколом оговаривая, что это есть только "мнение, а не определение церковное"»⁴⁰. В 1811 г. он написал «Изложение разностей между Восточной и Западной Церковью в учении веры», а в 1815 г. «Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной Греко-Российской Церкви» – где, в начале, опираясь на авторитет Евангелиста Иоанна Богослова (*«всяк Дух, иже исповедует Иисуса Христа, во плоти пришедша, от Бога есть»* (Ин. 4: 1-3), говорит: «по сему признаку и Восточная, и Западная Церковь равно суть от Бога [...] поскольку и та, и другая исповедуют Иисуса Христа во плоти пришедшего, то в этом отношении они имеют общий Дух, который *от Бога есть*»).⁴¹ В то же время «ка-

ждая из них имеет и особливый свой дух, или особливое «отношение к Духу Божию».⁴² А в конце, имея в виду определение апостола Павла: «Церковь есть тело Христово» (Еф.1:23), – пишет: «Церковь Христова ни в каком смысле не есть тело Римского епископа, посему и взаимно Римский епископ ни в каком смысле не есть глава Церкви. Самые апостолы и пророки суть служители Церкви, никто, кроме Иисуса Христа не нарицается в Священном Писании главою ее»⁴³.

В августе 1867 г., незадолго до блаженной кончины святителя, он принимал в Лавре представителей англиканской церкви – ректора колледжа Крайст-Черч доктора Лиддона и преподавателя того же колледжа, диакона англиканской церкви и знаменитого английского писателя Льюиса Кэрролла. Для последнего путешествие в Россию было единственным выездом за пределы Англии. Это, состоявшееся в земном времени и пространстве, пересечение столь, казалось бы, удаленных друг от друга, как в географическом, так и в ментальном плане, людей – митрополита Филарета и Л. Кэрролла – с одной стороны удивительно, но с другой, оно, очевидно, в духовном смысле не случайно. Действительно, для современной ему Англии Л. Кэрролл был, безусловно, явлением «знакомым», в значительной мере воплотившем в себе чистые и возвышенные идеалы викториан-

Льюис Кэрролл

³⁹ Там же. С. 47.

⁴⁰ Флоровский Георгий, прот. Указ. соч. С. 183.

⁴¹ «Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной Греко-Российской Церкви» / / Филарета, митрополита Московского и Коломенского творения. (Составитель свящ. Максим Козлов) 1994. С. 402.

⁴² Там же. С. 403.

⁴³ Там же. С. 459.

⁴⁴ См.: Льюис Кэрролл Дневник путешествия в Россию в 1867 году.

ской эпохи. В дневниках Кэрролла, к сожалению, об этой встрече записано всего несколько слов: беседа была «чрезвычайно интересная» и велась около часа, правда не самим Кэрроллом, а преимущественно его другом ректором Лиддоном⁴⁴.

В «Разговорах между испытующим и уверенным...» святитель Филарет в следующих, как он пишет, «чувственных образах» излагает свое видение проблемы существования в современном мире разных христианских конфессий: «На основании слова Божия представляю себе Вселенную Церковь единственным великим телом. Иисус Христос есть для него как сердце, или начало жизни, так и глава, или правящая мудрость. Ему только ведомы полная мера и внутренний состав сего тела. Нам же известны различные части его и более наружный образ, распространенный по пространству и времени. Стараясь объять сей образ во все времена христианства, я представляю себе оный по частям, по примеру того, как в книге Даниила представлен подобный сему образ народов и царств: нахожу, во-первых, в начальной апостольской Церкви – образ главы нового тела, и главы от злата чистого (Дан 2:32). Потом в Церкви укрепляющейся и распространяющейся – подобие персей и рук; далее в Церкви обилюющей – подобие чрева; наконец в Церкви разделяемой и раздробляемой – подобие ног и перстов. В видимом сем образе, или видимой Церкви, находится невидимое тело Христово, или невидимая Церковь, Церковь славная, не имущая скверны, или порока, или нечто от таковых (Еф. 5: 27). Но коемя вся слава внутрь (Пс. 46:14) и которой посему я, чисто и раздельно, не вижу, но в которую, последуя Символу, верую, ибо вера есть веющей обличение невидимых (Евр. 11:1). Облекающая же невидимую видимая Церковь частью открывает чистоту невидимой, дабы все могли обретать и сию и соединяться с ней, частью скрывает ее славу. Видимая Церковь имеет и здравые члены, и немощные (1 Кор 8:10,11). Еще во времена апостола Павла в ней были мнози нечисто проповедающие слово Божие (1Кор.2:17). Неудивительно, что ныне их еще более. Что принадлежит до Восточной половины нынешнего видимого христианства, я не по предрассудку и пристрастию, но по ревности, основанной на убеждении и совести, считаю оное «десною частию» видимого христианства. [...] Ты ожидаешь теперь, как я буду судить о другой половине нынешнего христианства. Но я только просто смотрю на нее, отчасти усматриваю, как Глава и Господь Церкви врачует многие и глубокие уязвления древнего змия во всех частях

и членах сего тела, прилагая то краткие, то сильные врачевства, и даже огонь и железо, дабы смягчить ожесточение, дабы извлечь яд, дабы очистить раны, дабы отделить дикие народы, дабы обновить дух и жизнь в полумертвых и онемевших составах. И таким образом я утверждаюсь в веровании тому, что сила Божия, наконец, очевидно восторжествует над немощами человеческими, благо над злом, единство над разделением, жизнь над смертью. Кратко: вера и любовь возбуждают меня к ревности по святой Восточной Церкви; любовь, смирение и надежда научают духу терпимости к разномыслящим. Я думаю, что последую в сем точно духу Восточной Церкви, которая при самом начале каждого Богослужения молится не токмо «о благостоянии святых Божиих церквей», но и «соединении всех». [...] Глава Церкви, Господь наш Иисус Христос, да даст нам «достигнуть в соединение веры» и да введет всех в ту славную Церковь, в которой не подозревают друг друга в расколе»⁴⁵.

Следует отметить необычайную поэтичность языка и самого мировосприятия свт. Филарета. В век позитивизма, век господства прозы и так назы-

А.С. Пушкин Портрет О. Кипренского. Фрагмент

ваемого «критического реализма», переходящего в прямую сатиру, в век, когда глаз даже великих художников видел подчас только пошлость и гнетущую обыденность, митрополит Филарет обнаруживает, раскрывает перед читателем духовный мир, в котором нет ничего обыденного, пошлого, посредственного, в котором все «дышият», все живет, все наполнено и преизбыточествует чудными смыслами.

⁴⁵ Разговоры между испытующим и уверенным.... С. 448–450.

Митрополит Филарет был поэтом в богословии, он обладал великим даром поэтического мышления, который неслучайно А.С. Пушкин сравнил с даром пророческим. Масштаб этого дара был столь велик, что святитель смог в стихотворной форме вступить в публичный мировоззренческий диспут с величайшим русским поэтом и выиграть его, что засвидетельствовал сам Пушкин, условно говоря, «сняв шляпу» перед святителем. Вот, с небольшими сокращениями, этот диалог. Пушкин: «*Дар напрасный, дар случайный, / жизнь, зачем ты мне дана? / Иль зачем судьбою тайной / ты на казнь осуждена? // Кто меня враждебной властью / их ничтожества воззвал, / душу мне наполнил страстью, / ум сомненьем взволновал?.. // Цели нет передо мною: / сердце пусто, / праздник ум, / и томит меня тоскою / однозвучный жизни шум*»⁴⁶. Митрополит Филарет: «*Не напрасно, не случайно / жизнь от Бога мне дана, / не без воли Бога тайной / и на казнь осуждена. // Сам я свонравной властью / зло из темных бездн воззвал, / сам наполнил душу страстью, / ум сомненьем взволновал. // Вспомнись мне, забвенный мною! / Просияй сквозь сумрак дум, / и созиждется Тобою / сердце чисто, светел ум*»⁴⁷. Пушкин «...И ранам совести моей / твоих речей благоуханных / отраден чистый был елей. // И ныне с высоты духовной / мне руку простираешь ты, / и силой кроткой и любовной / смиряешь буйные мечты. // Твоим огнем душа согрета / отвергла мрак земных сует, / и внemлет арфе Филарета / в священном трепете поэт»⁴⁸.

Имя святителя Филарета самым непосредственным образом связано с возведением в Москве Храма Христа Спасителя. Это еще один пример того, как он умел спасти святое начинание от встающих на его пути казалось бы непреодолимых препятствий. Первый проект храма, задуманного императором Александром I как памятник победы над Наполеоном в 1812 г., был исполнен неправославным архитектором-мистиком Витбергом. Проект был закрыт. Святитель Филарет вошел в

Храм Христа Спасителя в Москве

комитет по созданию Храма, содействовал проведению конкурса, выбору нового проекта, участвовал в закладке в 1837 г. и, наконец, лично разработал программу внутренних росписей храма и его наружных барельефов, в которой явственно звучат темы Апокалипсиса и роли России в истории христианства.

Еще одно важнейшее общественное событие русской истории связано его именем — крестьянская реформа 1861 года. Именно святителю Филарету было поручено императором Александром II написать Манифест на освобождение крестьян от крепостной зависимости. Святитель, однако, не одобрял общественного настроения, созданного вокруг этой реформы либеральными и прозападными кругами. Он отмечал, что употребляемое ими понятие «рабство» не применимо к русскому крестьянину, находящемуся, как он говорил, не в рабстве, а в «частной зависимости». Известно было, что государственные крестьяне в России жили в массе своей хуже так называемых крепостных, что сложившийся исторически крестьянско-помещичий уклад жизни был преимущественно органично-патриархальным и в каком-то смысле «семейственным». Достаточно прочитать «Семейные хроники» С.Т. Аксакова или вспомнить няню А.С. Пушкина Арину Родионовну; подобных примеров множество рассеяно и в мемуарной литературе. В Манифесте на освобождение крестьян задачей свт. Филарета

⁴⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 6-ти томах. М., 1936. Т. 2. С. 53.

⁴⁷ Цит. по: Священник Максим Козлов Указ. соч. С. 22.

⁴⁸ Пушкин А.С. Указ. соч. Т. 2. С. 112. В окончательной редакции имя Филарет было изменено Пушкиным на «Серафим».

было, прежде всего, погасить раздувавшееся революционными кругами брожение умов. Он призывал крестьян отнестись к реформе в первую очередь как к доброму волеизъявлению Царя и дворянства и отнестись к ним с благодарностью.

За полгода до кончины 85-летнего святителя Филарета праздновался пятидесятилетний юбилей его святительского служения. Это были огромные торжества, в которых участвовали все российские сословия и иностранные делегации. Воспоминания о своем впечатлении оставил Федор Иванович Тютчев: «Маленький, хрупкий, сведенный к простейшему выражению своего физического существа, но с глазами полными жизни и ума, он непобедимой высшей силой господствовал надо всем, что происходило вокруг него. Пред своим апофеозом он оставался совершенством простоты и естественности; казалось, что он принимает все эти почести только затем, чтобы передать их кому-то другому, чьим случайным представителем он теперь является. Это было прекрасно! Воистину то был праздник духа»⁴⁹.

Описание Тютчева указывает на еще одно качество святителя Филарета: одновременно с блес-

свете, в нем жил совсем другой человек: не просто монах, но монах-отшельник.

Это был подлинный пустыножитель, поставленный, так сказать, на «свещнице». Никто как он не поднял на такую высоту монашеский идеал и идеал хранения евангельских заповедей. Это был подлинно идеальный монах и идеальный пустынник, оказавшийся на максимальной высоте общественного положения. Любимые образы его проповедей: «Духовный любитель пустыни», «Желание пустыни или усердие к благочестивому, отшельническому и уединенному жительству»⁵⁰. Вызванный на заре своей церковной деятельности из Троице-Сергиевой лавры в столицу, он повиновался, по его собственным словам, по послушанию, но сердце его навсегда осталось в лавре. Даже в Москве его митрополичьи покой располагались на лаврском Троицком подворье. Его духовником и одновременно ближайшим другом и «сотаинником» был наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Антоний (Медведев) (также ныне прославленный в лице святых, преподобных). В конце жизни святитель Филарет устроил в нескольких верстах от лавры уединенный скит, названный им «Гефсиманским», где проводил последние дни своей жизни, и куда навещать его приезжали и простые посетители, и вельможи, и иностранные делегации. Во всех его жизнеописаниях и воспоминаниях о нем отмечается, что никто не знал, как он проводил время, когда закрывал за собой двери своей кельи. Его внутренняя жизнь оставалась сокровенной для всех.

Более того, этот «вития», «московский Златоуст», блестящий проповедник, оратор, мастер слова, – в монашеских кругах имел славу «великого молчальника», и знаменитый тогда архимандрит Фотий (Спасский), бывший ученик святителя Филарета по духовным школам, призывал учиться искусству и подвигу молчания – у митрополита Филарета. Когда наместник лавры архимандрит Антоний как-то в письме упрекнул его за долгое молчание, он ответил: «Будем доверять и молчанию друг друга, как доверяем слову»⁵¹. Это молчание было связано с подвигом внутреннего духовного умного дела-

Гефсиманский скит Троице-Сергиевой лавры

стящим церковным, государственным, общественным деятелем, ритором, проповедником, богословом, руководителем духовных школ и благотворительных учреждений, постоянно находящегося в гуще людей и событий, так сказать, «на виду» у всех, лица принятого и почитаемого во дворце и в

⁴⁹ Цит. по: Священник Максим Козлов Указ. соч. С. 30.

⁵⁰ Филарета, митрополита Московского и Коломенского творения. М., 1994. Сост. свящ. Максим Козлов. С. 213.

⁵¹ Цит. по: Яковлев А.И. Указ. соч. С. 34.

ния, с внутренней молитвой, ограждавшей его, находившегося в эпицентре общественной жизни и народного столпотворения, от страшного врага духовной жизни – от суеты мира сего. «Вниди в клеть твою и не слушай шума ветра», – писал он, имея в виду как шум суеты греховного мира, так и шум суеты греховных мыслей. В этом молчании – тайна его красноречия: слово его рождалось не из сочетания стихий мира сего, но из тишины умного молитвенного созерцания.

Внутренняя привязанность митрополита Филарета к Троице-Сергиевой лавре имела за собой, видимо, и особую причину, а именно: исследователями отмечалась необыкновенная близость, даже внешняя, образов святителя Филарета и преподобного Сергия Радонежского, жившего на пять веков ранее. Очевидно его внутреннее духовное сродство, в некотором роде «побратимство» с прп. Сергием Радонежским. Не случайно явление ему наяву в лавре, в трудную для него минуту жизни, преподобного Сергия: когда он, расстроенный невольным конфликтом с царем по поводу отказа его освящать Триумфальные ворота в Москве, приехал вечером в Троице-Сергиеву Лавру, ночью ему явился сам преподобный Сергий, который, подойдя к нему, тихо сказал: «Не печалься, все пройдет!», – и исчез, оставив святителя Филарета лицующим, с обновленной душой, свидетельство чему оставил в своих воспоминаниях наместник архимандрит Антоний. В какой-то мере, наверное, можно сказать, что святитель Филарет был явлением прп. Сергия – в новых условиях, в новом веке. Святейший Патриарх Алексий I (Симанский) высказал мысль, что поскольку преподобный Сергий сам некогда отказался от предложенного ему святителем Алексием Московским епископства ради отшельничества, то он вымолил у Бога для России подобного себе пастыря в святительском сане, посланного для охранения и созидания духовного мира народа перед эпохой грядущих на нее тяжелейших испытаний.⁵²

Будучи покровителем ученого монашества, митрополит Филарет, в то же время, оказал поддержку становлению такого важнейшего для духовной жизни России, как XIX-го, так и XX-го веков явления как «старчество». Корни его уходят на Святую Гору Афон, откуда традиция духовного попечения, названная потом старчеством, была вывезена и передана на Русь прп. Паисием Великовским и его учениками в конце XVIII века. Пер-

Прп. Сергий Радонежский. Лик с плащаницы XIV в.

Митрополит Гавриил (Петров).

⁵² При этом Патриарх Алексий I ссылается на следующее собственное изречение митрополита Филарета: «Великий отец наш Сергий, как бы в некоторое вознаграждение Церкви Российской за то, что не отдал ей в епископство самого себя, обильно возвращает под сенью своею сынов послушания и разума духовного, которых потом избрание церковное призывает к епископству» // Святейший Патриарх Алексий (Симанский) Указ. соч. С. 22–23.

Оптину пустынь.

вую поддержку в Санкт-Петербурге они получили от митрополита Гавриила (Петрова), затем покровительствовал этому духовному движению святитель Филарет, плодом чего стало возникновение монастыря и скита Оптиной пустыни, значение которой как для церковного окормления простого народа, так и русской интеллигенции, творческого сословия невозможно переоценить. Тем самым излечивались раны, нанесенные народной и культурной жизни России секулярными реформами предшествующего «просвещенного» столетия.

Оказывал митрополит Филарет поддержку и Дивеевской обители прп. Серафима Саровского. В его Гефсиманском скиту был заведен устав по образцу Саровской пустыни. Духовником-старцем, безусловно, был и сам святитель Филарет. По словам лично знавшего его писателя Ивана Васильевича Киреевского: «Никто страждущий не оставлял его порога, не получив отрады: недоумевающий находил у него спасительный совет, ищущий поучения – высокое назидание, ожесточенный – умиление, отчаянный – молитву, маловерный – прояснение истины, слабодушный – подкрепление сил»⁵³.

Масштаб влияния митрополита Филарета как духовника на современную ему Россию в составе всех ее сословий был, несомненно, всеобъемлющим. Достаточно указать на то, что знаменитый старец Федор Кузьмич, почитаемый в народе за ушедшего в затвор императора Александра I – святой праведный Феодор Томский – «открыл часто навещавшему его епископу Афанасию Ир-

кутскому только то, что имеет на свой подвиг благословение святителя Филарета Московского»⁵⁴.

Таким образом, жизнь и самый образ святителя Филарета полон, как кажется, парадоксов. Но это та парадоксальность, или, говоря словами о. Павла Флоренского, «антиномичность», которая присуща христианству вообще, при взгляде на него в категориях «мира сего». – Святитель Филарет был в одном лице монах-отшельник и святитель, самый свободномыслящий ум и в то же время самый чистый представитель канонического мышления; самый твердый и строгий защитник порядка, закона и единодержавной власти, и – самый неподкупный и смелый ее оппонент в вопросах касающихся нравственных и евангельских догматов. «Московский златоуст», он в то же время представляет чуть ли не «молчальником», умеющим хранить нерушимой внутреннюю тишину и тем самым передающим понятие о ней другим. Находящийся в

Святой праведный Феодор Томский

постоянном покое, он – как никто деятелен. Он был самого простого происхождения – но трудно представить себе более аристократическую фигуру на вершине власти.

⁵³ И.М. Концевич Указ. соч. С.133.

⁵⁴ Святые Томской земли // pravoslavie.tomsk.ru/saints/23/

Тот же антиномизм присущ и его проповеди. Все созиавший, всякую положительную деятельность поддерживавший и благословлявший, он, в то же время, как бы постоянно и отвергал все это, неустанно повергая всякую земную ценность к ногам Спасителя.

Бот, например, характер его «патриотизма». Известна его формулировка, родившаяся как комментарий на евангельский призыв «любить врагов»: «Люби врагов своих, чуждайся врагов Божиих и рази /поражай/ врагов Отечества!». И он же - созидатель Отечества и его первый молитвенник – призывает нас чувствовать себя на земле «изгнанниками в земле чужой»: «Чуждые в земле предков своих, пришельцы в своем отечестве дали отечество Сыну Того, из Него же всяко отечество на небесах и на земли именуется (Еф. 3/15). Христиане! Доколе мы живем в мире с беспечностью граждан⁵⁵ и наслаждаемся им с самовластием обладателей, дотоле Христос не может вообразиться в нас. Мир непрестанно сilitся выпечатлевать в душе нашей свои преходящие образы; насыщаемые желания рождают другие желания, которые неприметно вырастают в исполнов и зиждут Вавилон [...]. Если бы Авраам, по гласу Божию, не исшел от земли своей и от рода своего, то он бы не получил славного завета, обетования и наследия. Если бы страждущий Израиль не решился подвергнуть себя трудностям опасного и неизвестного пути, то Иегова не исшел бы в силах его и не уготовал бы в нем жилище Себе» [...]. Только произвольные изгнанники земли приемлются в граждан неба. Кто желает быть селением Сына Божия, тот должен иметь отечество в едином Боге и, при всей привязанности к отечеству земному, впрочем, весьма естественной и праведной, почтить его токмо предградием небесного⁵⁶.

Или другой пример: митрополит Филарет – первый пестователь духа учености и премудрости в Церкви и государстве – говорит: «Сила ума, величество духа, знаменитость дел, преимущества знаний! Я вами не прельщаюсь и не завидую тем, которые гордятся вами. Нет высшей мудрости, как отречься от мудрости для Иисуса; нет большей славы, как разделить бесчестие с Иисусом; нет избыточнейшего состояния, как нищета Иисуса;

нет иной двери к совершенству и блаженству как младенчество Иисуса, нет лучшего украшения для души, в которой Он должен обитать, как видеть себя чуждым всех украшений, подобно яслям Его. – Ток благодати, подобно речным устремлениям, изливаются в долы: кедры на горах блюются громам и молниям. Бог творит из ничего – доколе мы хотим и думаем быть чем-нибудь, дотоле Он в нас не начинает Своего дела. Смирение и отвержение себя есть основание в нас храма Еgo: кто более углубляет оное, тот выше и безопаснее созиждет»⁵⁷.

«Господь Бог есть Бог ревнивый – [...] Он не признает достойной Себя никакой любви, которая не основывается на любви к нему; всякое услаждение, в котором ищем себя пристрастно, всякая мысль, наклоненная к тварям, всякая рассеянность есть удаление от Него»⁵⁸.

В конце жизни святитель Филарет обладал даром предвидения и пророчества, что было известно всем. Прозорливость его очевидна была уже в частных даваемых им советах и благословениях. Но сейчас, с временной дистанции видна и сила его дальнего пророческого предвидения. Так, по свидетельству прп. старца Анатolia Оптинского, в конце жизни он «не советовал делать ризы на иконы, потому что приближается время, когда неблагонамеренные люди будут снимать ризы с икон». Он же, говоря о будущем, предупреждал: «Вижу ужасную бурю, идущую к нам с Запада»⁵⁹.

В приветствии митрополита Филарета, сканном им в день празднования пятидесятилетия его архиерейского служения, за полгода до его кончины, он сказал: «Благословляй, Господи, Православную Церковь, ее священноначалие, священство, монашество и весь православный народ, да не оскудевает пастырь, полагающий душу свою за овцы (Ин. 10, 11), иерей, которого устне сохраняют разум (Мал.2,7) спасения, муж знания и наставник юношества, держащий и преподающий здравое учение вышемысленных начал науки, оставляющий жизненное начало премудрости – страх Господень (Прит.1,7), подвижник, ходящий узким и вместе возвышенным путем духа, сын веры, живущий по вере, творящий дела веры, свободный от обаяний мира, от порабощения духу времени»⁶⁰. Эти слова имеют явное пророческое

⁵⁵ Интересно, что святитель Филарет употребляет слово «граждане» в подчеркнутом секулярном смысле, отождествляющем «гражданское общество» «миру сему», как имманентное ему. В пользу трактовки святителя свидетельствует то, что эти понятия часто используются как инструмент секуляризации и богооборчества.

⁵⁶ Филарета, митрополита Московского и Коломенского творения. М., 1994. С. 43.

⁵⁷ Там же. С. 44.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Цит. по: Яковлев А.И. Указ. соч. С. 161.

⁶⁰ Святейший Патриарх Алексий (Симанский). Указ. соч. С. 5.

звучание – они как будто обращены к следующему, двадцатому веку, к послереволюционной эпохе, когда, во время тягчайших гонений на Церковь и на весь русский народ, именно священники, положившие жизнь свою за веру и паству, честные верующие преподаватели, подвижники и простой народ, «творящий дела веры», спасли страну от исчезновения и вырождения.

Предвидел он и свою кончину, вернее ее число – 19-ое. «Мне явился родитель мой, – говорил он архимандриту Антонию, лавскому наместнику, – и сказал: «Береги 19-ое число»⁶¹. 19 ноября (по старому стилю) 1867 г. он, как обычно, служил литургию, принимал посетителей, после чего сел за корреспонденцию. Через 10 минут зашли к нему напомнить про обед и нашли стоящим на коленях перед иконами, опирающимся на руки и без языка. Его положили на кровать и в два часа дня он тихо скончался.

Похороны его были всенародным торжеством – народ бесконечным потоком следовал за его гробом от Кремля до Троице-Сергиевой лавры, где заранее была заготовлена для него могила в приделе Свято-Духовской церкви.

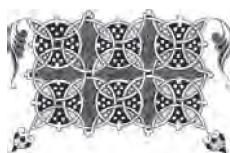
Пятьдесят лет спустя орды безумных революционеров, вскрыли его могилу и взорам всех предстали абсолютно нетленные мозги – с головой слегка повернутой на бок и чуть приоткрытыми глазами. Казалось, что он сейчас встанет и заговорит. Мозги были разрушены безумцами и вновь

захоронены верующими; второе их обретение произошло по благословению Святейшего Патриарха Алексия II в начале 1990-х годов. Позднее они были перенесены в воссозданный по благословению Патриарха Алексия II Храм Христа Спасителя в Москве, где покоятся и поныне.

Проставленный в лице святителей – как святой иерарх Церкви, – митрополит Филарет (Дроздов) может быть также назван и «преподобным» – то есть уподобившимся, насколько это возможно для тварного существа, Богу, ибо во всех его жизнеописаниях мы найдем помимо описания очевидной святости, указание на ускользающую от какого-либо словесного определения простоту и цельность личности при необычайной широте и многогранности его деятельности и творческих проявлений.

Дух, осенявший святителя Филарета, безусловно не оставил своим попечением Русскую Церковь и в последующее время, и Им она спасалась и спасается и доныне. Несомненно, Он присутствовал и в Св. Патриархе Тихоне, чрезвычайно близок свт. Филарету по духу был Святейший Патриарх Алексий I, не чужд ему был и Святейший Патриарх Алексий II.

В заключение приведем еще одно крылатое изречение митрополита Филарета, которое можно рассматривать как его завещание и напутствие последующим поколениям: «*Мир во зле – самосужден и бессилен. Иисус Христос во благе – могуществен и победоносен*».

⁶¹ Козлов Максим, свящ. Указ. соч. С. 31.